

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ/RUSSIAN LITERATURE
AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATIONDOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.171.20> EDN: QUFQHY

ОЛЬФАКТОРНЫЙ КОД ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

Научная статья

Цзи Х.^{1,*}¹ Вэйфанский научно-технический университет, Вэйфан, Китай

* Корреспондирующий автор (158422530[at]qq.com)

Предложена: 03.08.2026; Принята: 21.08.2026; Опубликовано: 17.09.2026

Аннотация

Статья посвящена ольфакторной поэтике повести Ивана Сергеевича Тургенева «Первая любовь». Цель исследования — определить, как язык запаха организует нарративную структуру произведения, участвует в создании усадебного хронотопа и передаче психологического состояния героев. В работе рассматривается субъектная организация ситуаций обонятельного восприятия, где все ароматы даны через восприятие юного героя. Анализ показывает, что природные и искусственные запахи выполняют не только характеризующую, но и сюжетообразующую функцию, маркируя ключевые моменты повествования и предвосхищая его развязку. Особое внимание уделяется роли ольфакторных мотивов в построении художественного пространства и создании психологической глубины персонажей. В результате исследования установлено, что ольфакторная образность в «Первой любви» представляет собой системное явление, организующее повествовательную логику и предвосхищающее поэтические принципы символизма. Работа вносит вклад в изучение сенсорной поэтики русской литературы XIX века.

Ключевые слова: ольфакторная поэтика, язык запаха, усадебный хронотоп, субъектная организация, сюжетообразующая функция.

THE OLFACTORY CODE IN I.S. TURGENEV'S NOVELLA "FIRST LOVE"

Research article

Ji H.^{1,*}¹ Weifang University of Science and Technology, Weifang, China

* Corresponding author (158422530[at]qq.com)

Suggested: 03.08.2026; Accepted: 21.08.2026; Published: 17.09.2026

Abstract

The article is devoted to the olfactory poetics of Ivan Sergeyevich Turgenev's novella "First Love". The aim of the study is to determine how the language of scent shapes the narrative structure of the work, contributes to the creation of the manor's chronotope, and conveys the psychological states of the characters. The work examines the subjective organisation of olfactory perception, where all scents are presented through the perception of the young protagonist. The analysis shows that natural and artificial scents fulfil not only a characterising function but also a plot-forming one, marking key moments in the narrative and foreshadowing its dénouement. Particular attention is paid to the role of olfactory motifs in constructing the artistic space and creating psychological depth in the characters. The research has established that olfactory imagery in "First Love" constitutes a systematic phenomenon that organises the narrative logic and anticipates the poetic principles of symbolism. This work contributes to the study of sensory poetics in XIX century Russian literature.

Keywords: olfactory poetics, language of scent, manor chronotope, subjective organisation, plot-forming function.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современном литературоведении наблюдается устойчивый интерес к проблеме межсенсорного взаимодействия в художественном тексте, к изучению того, как различные каналы восприятия участвуют в создании смысловой структуры произведения. Потребность в системном осмыслении сенсорной поэтики как важнейшего компонента художественного метода писателя становится одной из насущных задач современной филологической науки. Во-вторых, ольфакторная поэтика И.С. Тургенева до сих пор остается недостаточно изученной именно в системном аспекте: большинство работ посвящены либо общему обзору одорических образов в его творчестве, либо анализу отдельных запахов-символов без учета их нарративной и сюжетообразующей функции. В-третьих, «Первая любовь» представляет собой уникальный материал для такого анализа, поскольку в этой повести запахи, в отличие от более поздней «Вешних вод», не образуют сложной системы противопоставлений двух любовных сюжетов, а подчинены единой задаче — передаче стихийного, неконтролируемого чувства, что позволяет выявить базовые механизмы функционирования ольфакторных мотивов в прозе Тургенева. Решение данной проблемы имеет значение не только для понимания творчества писателя, но и для развития теории сенсорной поэтики в целом.

Повесть И.С. Тургенева «Первая любовь» (1860) занимает особое место в творчестве писателя. Это произведение, в котором с предельной художественной силой воплощена тема первого, еще юношеского чувства, его трагической неразделенности и скоротечности. Одной из важнейших, но недостаточно изученных особенностей поэтики повести

является ольфакторная образность. Запахи в «Первой любви» не просто создают фон повествования, но активно участвуют в раскрытии внутреннего мира персонажей, предвосхищают развитие сюжета и служат средством символизации чувства, которое трудно выразить словами. Исследование языка запаха в данной повести позволяет глубже понять как художественный метод Тургенева, так и его место в контексте переходных форм от реализма к символизму.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале повести «Первая любовь» ольфакторная поэтика рассмотрена как системное явление, выполняющее сюжетообразующую, характеризующую и символическую функции в контексте переходных форм от реализма к символизму.

Для решения поставленных задач в работе использованы следующие методы исследования: описательно-аналитический метод, позволивший систематизировать ольфакторные образы и создать их структурную классификацию по тематическим группам и функциональным типам; метод контекстуального анализа, который дал возможность рассмотреть функционирование запаховых мотивов в нарративной структуре произведения с учетом широкого литературного и культурно-исторического контекста; сравнительно-сопоставительный метод, применявшийся при анализе ольфакторных систем в разных произведениях Тургенева («Первая любовь», «Вешние воды», «Ася») для выявления общего и специфического; а также элементы структурно-семиотического подхода, позволившие выявить символический и мифологический подтекст ольфакторной образности. Нарративный анализ текста направлен на выявление соотношения субъекта восприятия и субъекта высказывания при описании запаховых ситуаций.

Теоретической базой исследования послужили труды М.М. Бахтина о «двуголосости» повествовательного слова и о хронотопе [1], работы П.А. Флоренского о «физиологическом» пространстве и о различении зрительного, слухового, осязательного, обонятельного пространств в искусстве [2], исследования Е.Г. Эткинда о формах косвенного выражения внутреннего мира персонажа и о психопоэтике [3], а также современные работы по сенсорной и ольфакторной поэтике [4], [5], [6], [7]. Важное значение для понимания культурно-исторического контекста имели исследования, посвященные семантике запахов в дворянской культуре XIX века [8], [9], [10]. Особое внимание уделено работам, в которых рассматривается семантика конкретных запахов (розы, сырости, сирени, цветов) в контексте русской литературы XIX века [11], а также исследованиям, посвященным психопоэтике И.С. Тургенева и роли запаха как принципа «художественного досье» в его прозе [12], [13].

Практическая значимость работы определяется тем, что её материалы могут быть включены в учебные программы вузовских курсов по истории русской литературы XIX века, спецкурсы по поэтике и проблемам межсенсорного взаимодействия в художественном тексте. Предложенные в статье наблюдения и выводы могут быть применены для дальнейшего изучения ольфакторной образности не только в произведениях Тургенева, но и в русской литературе в целом. Кроме того, результаты анализа могут представлять интерес для исследователей, занимающихся проблемами межсенсорного восприятия в литературе и культурной антропологией запаха, а также могут быть использованы при создании учебных пособий по анализу художественного текста.

Основные результаты

В повести И.С. Тургенева «Первая любовь» (1860) ольфакторная образность занимает особое место, организуя повествовательное пространство и участвуя в создании психологической глубины персонажей. Как справедливо подчёркивает Д.А. Грубова [14], тургеньевские пейзажи отличаются живостью, они персонифицированы и включают многообразные сенсорные компоненты — звуковые, цветовые, ароматические. Художественная манера писателя основана на органическом соединении природных явлений с душевными движениями персонажей. Присутствие запаховых мотивов в тургеньевских текстах не является случайным: оно обусловлено взаимодействием двух начал — природно-усадебного, связанного с воспитанием и созерцанием, и культурно-урбанистического, отражающего дендизм и заботу о внешности (духи, табак). В отличие от более поздней повести «Вешние воды» (1871), где запаховые мотивы выстраивают разветвлённую систему оппозиций двух любовных линий, в «Первой любви» ольфакторный язык подчинён единой цели — выражению стихийного, неподвластного разуму чувства.

В центре повествования находится шестнадцатилетний Владимир, переживающий своё первое любовное увлечение. Именно его обонятельные впечатления служат движущей силой сюжета, а все ароматы преломляются через субъективное восприятие юного героя.

Усадебный хронотоп и ольфакторный код

Повесть открывается мемуарным фрагментом Владимира Петровича о дачной жизни: «Я никогда не забуду первых недель, проведенных мною на даче. Погода стояла чудесная; мы переехали из города девятого мая, в самый Николин день» [15, С. 304]. Майская пора в произведении насыщена ароматами весеннего обновления, пробуждения природы, и этот запах весны становится неотъемлемой составляющей атмосферы зарождающегося чувства. Закономерно, что именно «свежесть» остаётся в памяти как наиболее яркое впечатление от первой любви: «И теперь, когда уже на жизнь мою начинают набегать вечерние тени, что у меня осталось более свежего, более дорогого, чем воспоминания о той быстро пролетевшей, утренней, весенней грозе?» [15, С. 363]. Аромат свежести становится сквозным мотивом повести, соединяющим временные пласты — прошлое и настоящее, юность и зрелость повествователя.

Дачное пространство в повести обладает двойственной природой. Именно здесь герой впервые увидел Зинаиду «на поляне, между кустами зелёной малины» [15, С. 307]. Ключевые сюжетные коллизии повести разворачиваются в саду — пространстве, которое, согласно наблюдениям О. А. Гриневич, органично входит в семантическое поле «усадебного текста», пронизанного запаховыми образами [16, С. 93-96], указывают на присутствие внутренних взаимосвязей и циклических скреп в повестях 1850-х годов. Как отмечает Д.А. Грубова, «пахучая мгла» в «Первой любви» выступает как средство изображения женской привлекательности и обаяния, а в «душной, полупрозрачной пахучей мгле» скрыт подтекст — коварство «носительницы» запаха [14, С. 57]. Развивая это наблюдение, можно

утверждать, что в аромате, окружающем героев, ощущается нечто большее, чем просто запах, — он выдает кокетливую сущность Зинаиды. Позднее повествователь обнаружит, что «пахучесть воздуха» сопутствует «сладостным томлениям»; ароматы хранят эмоциональные следы, и «пахучий воздух» служит не только знаком зарождающейся любви, но и напоминает о её телесных, земных истоках.

Ольфакторная аура персонажей

Запахи в повести формируют индивидуальную ауру каждого персонажа. Образ отца Владимира сопряжён с аурой верховой езды. Как констатирует Е. Жирицкая, верховая езда являлась безусловной привилегией имущих слоёв, а едва уловимый «животный», мускусный запах, сопровождаемый ароматом качественной кожи, в определённых ситуациях обретал легитимность в рамках дворянской обонятельной традиции [9, С. 197]. Хлыст, неизменный спутник отца, выполненный из сыромятной кожи, источает специфический аромат, акцентирующий его властную и загадочную натуру. Тургенев намеренно фиксирует внимание на хлысте как на характерной детали отцовского облика. Следовательно, «животный» запах кожи, мускусный дух становится неотъемлемой частью отцовского образа, подчёркивая его доминирующее положение и одновременно отстранённость от внутреннего мира сына.

Иной ольфакторной атмосферой окружена Зинаида. Её сопровождают сладкие, растительные ароматы. И.С. Тургенев систематически акцентирует её связь с розой. Как замечает С.В. Шервинский, «девушка и ее красота постоянно вызывают у Пушкина образ "розы"» [17, С. 138]. Тургеневские параллели с Пушкиным не вызывают сомнений. Роза в руках Зинаиды трансформируется в метафору её красоты и женственности. В эпизоде, где героиня даёт Володе понюхать розу, вдыхание аромата становится своеобразной компенсацией за отсутствие взаимности, смягчением горечи. Цветы в повести имеют двойную символику: они обозначают как любовь, так и разлуку: «Все цветы мои были вырваны разом и лежали вокруг меня, разбросанные и истоптанные» [15, С. 354]. Образ вырванных и разбросанных цветов — это метафора разрушенных надежд, осознания трагической невозможности взаимного чувства.

Запах и психологическое состояние героя

Ольфакторные образы в «Первой любви» тесно связаны с передачей психологического состояния юного героя. Как показывает исследование поэтических фразеологизмов в повести, Тургенев использует особые языковые приёмы для выражения сложных душевных переживаний, и запах становится одним из орудий символизации состояний, которые вербально почти невыразимы.

Природа и человек в повести не всегда пребывают в гармонии. Тургенев строит контрастную оппозицию: «Ночь тяжело и сыро пахла мне в разгоряченное лицо...» [15, С. 322], и вслед за этим Володя передаёт свои переживания: «То, что я ощущал, было так ново и так сладко... Я сидел, чуть-чуть озираясь и не шевелясь, медленно дышал и только по временам то молча смеялся, вспоминая, то внутренне холодел при мысли, что я влюблен, что вот она, вот эта любовь» [15, С. 322]. Противопоставление сырого, тяжёлого аромата ночи и сладостного переживания влюблённости обнажает внутренний конфликт героя. Семантическая зона «сладкого» активно разрабатывается в описаниях эмоциональных состояний Владимира. Густаторный эпитет «сладкий» маркирует состояние влюблённости. Как констатирует О.Н. Жердева, категория «сладкий» соотносится с ценностными ориентирами, близкими немецкой культурной традиции, и указывает на сходство мировосприятия И.С. Тургенева и А.А. Фета [18]. Не случайно «сладость» актуализируется исключительно в воспоминаниях о Зинаиде либо в моменты её физического присутствия рядом с Владимиром.

Запах как предвестник развязки

В повести «Первая любовь» запах выполняет не только атмосферообразующую, но и прогностическую функцию. Примечателен эпизод, в котором повествователь, ещё не зная о драматической развязке, фиксирует исходящий от реки «неприятный запах сырости». Этот незначительный чувственный сигнал оказывается смысловым предвестием: вскоре Володя становится свидетелем тайного разговора Зинаиды с отцом. Исследователи, в частности А.Р. Дамирбекова, относят подобную «сырость» к смысловой категории «запахов смерти» [11, С. 136-138]. В контексте трагического финала — гибели обоих персонажей — этот мотив приобретает характер ретроспективного пророчества: читатель, зная исход, уже не может воспринимать его иначе.

Показательно, что в других повестях Тургенева сходные запаховые мотивы обретают иное звучание. В «Асе», в отличие от «Первой любви», влажный речной воздух отсутствует; напротив, волна здесь несёт в себе «свежее дыхание». Однако и «свежесть» не остаётся однозначно светлым символом. Начавшись как импульс к внутреннему обновлению, она постепенно утрачивает свою спасительную силу и к финалу приобретает трагические обертоны. В «Первой любви» «сырость» звучит грубее, настойчивее и явственнее — она не оставляет сомнений в своей зловещей природе.

Таким образом, ольфакторная образность в повести выходит за рамки психологической характеристики персонажа. Она активно участвует в формировании сюжетной логики, выполняя функцию сюжетного предвосхищения. Запах оказывается не просто фоном, а одним из двигателей трагической фабулы.

Сходная логика прослеживается и на уровне сквозных запаховых мотивов, проходящих через несколько повестей Тургенева. В каждом из этих текстов фигурируют «свежесть», «пахучесть» и «сырость» — три одорических константы, которые образуют систему внутренних переключек и циклических повторений. В «Фаусте» — это «запах и свежесть ночи», ощущение «свежести и солнца»; в «Асе» — «свежее дыхание волны»; в «Первой любви» — движение «над землею» «свежего ветра». Запах здесь перестаёт быть просто элементом пейзажа и становится одним из структурообразующих элементов повествовательной системы Тургенева.

Мифологический подтекст ольфакторной образности

В повести обнаруживается и мифологический подтекст ольфакторной образности. Как пишет Е.С. Григоренко, «вынесенное в заглавие слово "любовь" — феномен, неразрывно связанный с человеческим бытием и включенный в контекст межличностных отношений», и в повести основным персонажем является сама любовь [19, С. 89-90].

Зинаида, фантазируя о сюжетах для поэмы, смешивает элементы римской истории и греческой мифологии — весталок и вакханок, и в этом контексте рождается понимание любви как стихийной, неодолимой силы [19, С. 91]. Запаховая образность, хотя и не прямо, но участвует в создании этого мифологического фона, связывая природные ароматы с древними культами и представлениями о любви-страсти. Роза — цветок Венеры — в руках Зинаиды становится символом ее власти над сердцами поклонников, а её аромат, то появляющийся, то исчезающий, словно подчеркивает эфемерность и неуловимость любовного чувства.

Функции одоризмов в повести

Как демонстрирует анализ, ароматы в художественной системе Тургенева выполняют многоплановую роль. С помощью ольфакторного кода автор моделирует пространственно-временной фон, конкретизирует обстановку, окружающую героев, фиксирует внимание на деталях костюма, вводит индивидуальные запаховые характеристики, ароматы-воспоминания, «ностальгические» ароматы. В «Первой любви» ольфакторные образы выступают в качестве маркеров пространства и времени, формируя объёмную картину, в которой находят место разнообразные сенсорные впечатления: обонятельные, визуальные, тактильные.

Важно отметить и хронотопическую функцию одоризмов. Именно благодаря ей Тургенев мастерски вырисовывает атмосферу, окружающую персонажей. В «Бежином луге» находим: «Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи» [15, С. 90]. В «Записках охотника»: «Лесной запах усиливается, слегка повезло теплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает» [15, С. 19]. В «Первой любви» дачный сад, наполненный запахами цветов и свежести, становится не просто местом действия, но важнейшим смыслообразующим элементом, определяющим тональность повествования.

Обсуждение

Ольфакторная поэтика повести «Первая любовь» выстраивается как многофункциональная система, где запаховые образы реализуют комплекс значимых задач. Во-первых, они задействованы в конструировании усадебного хронотопа, обозначая пространство дачи и сада как локус возникновения и угасания любви. Аромат свежести и цветов в экспозиции формирует иллюзию весеннего обновления, которая впоследствии оказывается обманчивой и сменяется трагическим осознанием невозможности утраты. Во-вторых, ароматы создают дифференцированную ауру персонажей, оппозиционно сопоставляя природное, «цветочное» начало Зинаиды и «мускусно-кожаное» начало отца Владимира. В-третьих, ольфакторные мотивы выступают как значимое средство трансляции психологического состояния героя, репрезентируя его переживания через семантику «сладкого», «сырого» и «свежего». В-четвёртых, аромат реализует сюжетобразующую функцию: неприятный запах сырости предвосхищает сцену тайного свидания Зинаиды с отцом, становясь предзнаменованием трагической развязки. Наконец, столкновение естественных и искусственных ароматов высвечивает глубинные противоречия дворянской культуры середины XIX века, где усадебное воспитание и дендизм, природность и искусственность вступают в перманентный конфликт. Специфические ароматы, в частности запах розы, обретают статус особого языка любовного чувства, которое невозможно передать традиционными вербальными средствами.

Таким образом, в повести Тургенева переплетаются разнородные дискурсы — от бытового до мифологического и символического. Писатель проявляет себя как тонкий аналитик той грани, за которой рациональное смыкается с подсознательным, и именно язык запахов становится для него центральным средством репрезентации психической глубины, предвосхищая эстетические прозрения символизма и модернизма. Знаменательно, что в более поздней литературной традиции (например, у В.В. Набокова в «Даре» [20, С. 219]) появляется реминисценция «тургеневского запаха гелиотропа», что свидетельствует о закреплении ольфакторной образности Тургенева в качестве устойчивого культурного кода, ассоциирующегося с русской усадебной культурой и ностальгическими воспоминаниями о первом любовном переживании.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ольфакторная образность в повести «Первая любовь» представляет собой сложную и многоуровневую систему. Запахи в этом произведении не являются случайными деталями, но выполняют структурообразующую, характеризующую и символическую функции. Тургенев использует язык запаха для передачи того, что невозможно выразить прямыми словесными средствами, предвосхищая тем самым художественные открытия литературы XX века. Ольфакторная поэтика «Первой любви» органично вписывается в контекст переходных форм от реализма к символизму, что позволяет говорить о Тургеневе как о писателе, стоящем у истоков новых художественных направлений.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать сопоставительный анализ ольфакторных систем в разных произведениях И.С. Тургенева.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
2. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П.А. Флоренский. — Москва : Прогресс, 1993. — 324 с.
3. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь: Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX веков / Е.Г. Эткинд // Психопоэтика. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2005. — С. 17–396.
4. Ляпина Л. Сенсорная поэтика в русской литературе XIX века : Опыты изучения / Л. Ляпина. — Саарбрюккен : Palmarium Academic Publishing, 2014. — 169 с.
5. Зыховская Н.Л. Ольфакторная картина художественного мира русской прозы XI–XIX веков / Н.Л. Зыховская. — Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2015. — 391 с.
6. Рогачёва Н.А. Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX – начала XX вв.: проблемы поэтики : монография / Н.А. Рогачёва. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2010. — 404 с.
7. Рогачёва Н.А. Язык запаха в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» / Н.А. Рогачёва, Х. Цзи // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2017. — Т. 3. — № 3. — С. 80–93. — DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-3-80-93.
8. Вайнштейн О.Б. Историческая ароматика: одеколон и пачули / О.Б. Вайнштейн // Ароматы и запахи в культуре : сборник статей : в 2 кн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — Кн. 2. — С. 436–462.
9. Жирицкая Е. Запахи в повседневной жизни дворянской усадьбы / Е. Жирицкая // Ароматы и запахи в культуре : сборник статей : в 2 кн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — Кн. 2. — С. 190–210.
10. Корбен А. Миазм и нарцисс (главы из книги). Ароматы частной жизни / А. Корбен; пер. Е. Ляминой, М. Божович // Ароматы и запахи в культуре : сборник статей : в 2 кн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — Кн. 1. — С. 362–408.
11. Дамирбекова А.Р. Ольфакторный код в прозе И.С. Тургенева 1850-х годов / А.Р. Дамирбекова // Русистика и компаративистика : сборник статей. — Москва : МГПУ, 2016. — Вып. XI. — С. 135–140.
12. Козубовская Г.П. «Вешние воды» И.С. Тургенева и семантическая поэтика / Г.П. Козубовская // Проблемы развития современной науки : сборник научных статей по материалам I Международной научно-практической конференции. — Пермь: ИП Сигитов Т.М., 2016. — С. 122–127.
13. Курляндская Г.Б. Психологизм в повести Тургенева «Вешние воды» / Г.Б. Курляндская // Спасский вестник : альманах. — 2002. — № 9. — С. 5–20.
14. Грубова Д.А. Поэтика запахов в повести И.С. Тургенева «Первая любовь» / Д.А. Грубова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. — 2023. — № 5. — С. 55–61.
15. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. / И.С. Тургенев. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Наука, 1979–1981.
16. Гриневич О.А. Поэтика усадебного текста: миф, реальность, литература : монография / О.А. Гриневич. — Гродно : ГрГУ, 2022. — 143 с.
17. Шервинский С.В. Образ розы в поэзии Пушкина / С.В. Шервинский // Пушкинский сборник. — Псков, 2001. — С. 134–142.
18. Жердева О.Н. Концепт «сладкий» в русской поэзии XIX века / О.Н. Жердева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 12 (54). — Ч. 2. — С. 16–19.
19. Григоренко Е.С. «Любовь» как мифологема в повести И.С. Тургенева «Первая любовь» / Е.С. Григоренко // Тургеневские чтения : сборник статей. — Москва, 2021. — Вып. 7. — С. 88–95.
20. Набоков В.В. Дар / В.В. Набоков // Собрание сочинений : в 5 т. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 1999. — Т. 3. — 219 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki [Issues of Literature and Aesthetics] / M.M. Bakhtin. — Moscow : Fiction Literature, 1975. — 504 p. [in Russian]
2. Florensky P.A. Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh [Analysis of Spatiality and Time in Artistic and Visual Works] / P.A. Florensky. — Moscow : Progress, 1993. — 324 p. [in Russian]
3. Etkind E.G. "Vnutrennii chelovek" i vneshnyaya rech: Ocherki psikhopoetiki russkoi literatury XVIII–XIX vekov ["The Inner Man" and External Speech: Essays on the Psychopoetics of XVIII–XIX-Century Russian Literature] / E.G. Etkind // Psikhopoetika [Psychopoetics]. — Saint Petersburg : Iskustvo-SPb, 2005. — P. 17–396. [in Russian]
4. Lyapina L. Sensornaya poehtika v russkoj literature XIX veka : Opyty izucheniya [Sensory poetics in Russian literature of the XIX century: Attempts of study] / L. Lyapina. — Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing, 2014. — 169 p. [in Russian]
5. Zykhevskaya N.L. Ol'faktornaya kartina khudozhestvennogo mira russkoy prozy XI–XIX vekov [Olfactory picture of the artistic world of Russian prose of the 11th–19th centuries] / N.L. Zykhevskaya. — Chelyabinsk : Publishing Center YuUrSU, 2015. — 391 p. [in Russian]
6. Rogacheva N.A. Ol'faktornoe prostranstvo russkoy poezii kontsa XIX – nachala XX vv.: problemy poetiki [Olfactory space of Russian poetry of the late 19th – early 20th centuries: problems of poetics] : monograph / N.A. Rogacheva. — Tyumen : Tyumen State University Publishing House, 2010. — 404 p. [in Russian]

7. Vaynshteyn O.B. Istoricheskaya aromatika: odekolon i pachuli [Historical aromatics: cologne and patchouli] / O.B. Vaynshteyn // *Aromaty i zapakhi v kulture* [Aromas and Smells in Culture] : collection of articles : in 2 books. — Moscow : New Literary Review, 2003. — Book 2. — P. 436–462. [in Russian]
8. Vaynshteyn O.B. Istoricheskaya aromatika: odekolon i pachuli [Historical aromatics: cologne and patchouli] / O.B. Vaynshteyn // *Aromaty i zapakhi v kulture* [Aromas and Smells in Culture] : collection of articles : in 2 books. — Moscow : New Literary Review, 2003. — Book 2. — P. 436–462. [in Russian]
9. Zhiritskaya E. Zapakhi v povsednevnoy zhizni dvoryanskoy usad'by [Smells in the everyday life of a noble estate] / E. Zhiritskaya // *Aromaty i zapakhi v kulture* [Aromas and Smells in Culture] : collection of articles : in 2 books. — Moscow : New Literary Review, 2003. — Book 2. — P. 190–210. [in Russian]
10. Corben A. Miazma i nartsiss (glavy iz knigi). Aromaty chastnoy zhizni [Miasma and Narcissus (chapters from the book). The Scents of Private Life] / A. Corben ; per. E. Lyaminoy, M. Bozhovich // *Aromaty i zapakhi v kulture* [Aromas and Smells in Culture] : collection of articles : in 2 books. — Moscow : New Literary Review, 2003. — Book 1. — P. 362–408. [in Russian]
11. Damirbekova A.R. Ol'faktornyy kod v proze I.S. Turgeneva 1850-kh godov [Olfactory code in Turgenev's prose in the 1850s] / A.R. Damirbekova // *Rusistika i komparativistika : sbornik statey* [Russian Studies and Comparative Studies : collection of articles]. — Moscow : MSPU, 2016. — Iss. XI. — P. 135–140. [in Russian]
12. Kozubovskaya G.P. "Veshnie vody" I.S. Turgeneva i semanticheskaya poetika [I.S. Turgenev's "Spring Torrents" and semantic poetics] / G.P. Kozubovskaya // *Problemy razvitiya sovremennoy nauki* [Problems of the Development of Modern Science] : collection of scientific articles based on the materials of the I International Scientific and Practical Conference. — Perm : IP Sigotov T.M., 2016. — P. 122–127. [in Russian]
13. Kurlyandskaya G.B. Psikhologizm v povesti Turgeneva "Veshnie vody" [Psychologism in Turgenev's story "Spring Torrents"] / G.B. Kurlyandskaya // *Spasskiy vestnik : al'manakh* [Spassky Bulletin : almanac]. — 2002. — № 9. — P. 5–20. [in Russian]
14. Grubova D.A. Poetika zapakhov v povesti I.S. Turgeneva "Pervaya lyubov'" [Poetics of smells in I.S. Turgenev's story "First Love"] / D.A. Grubova // *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Altai State Pedagogical University]. — 2023. — № 5. — P. 55–61. [in Russian]
15. Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochineniy i pisem [Complete Works and Letters] : in 30 vol. Works : in 12 vol. / I.S. Turgenev. — 2nd ed., rev. and add. — Moscow : Nauka, 1979–1981. [in Russian]
16. Grinevich O.A. Poetika usadbnogo teksta: mif, real'nost', literatura [Poetics of the Estate Text: Myth, Reality, Literature] : monograph / O.A. Grinevich. — Grodno : GrSU, 2022. — 143 p. [in Russian]
17. Shervinskiy S.V. Obraz rozy v poezii Pushkina [The image of the rose in Pushkin's poetry] / S.V. Shervinskiy // *Pushkinskiy sbornik* [Pushkin Collection]. — Pskov, 2001. — P. 134–142. [in Russian]
18. Zherdeva O.N. Kontsept "sladkiy" v russkoy poezii XIX veka [The concept "sweet" in Russian poetry of the 19th century] / O.N. Zherdeva // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. — 2015. — № 12 (54). — Part 2. — P. 16–19. [in Russian]
19. Grigorenko E.S. "Lyubov'" kak mifologema v povesti I.S. Turgeneva "Pervaya lyubov'" ["Love" as a mythologeme in I.S. Turgenev's story "First Love"] / E.S. Grigorenko // *Turgenevskie chteniya : sbornik statey* [Turgenev Readings : collection of articles]. — Moscow, 2021. — Iss. 7. — P. 88–95. [in Russian]
20. Nabokov V.V. Dar [The Gift] / V.V. Nabokov // *Sobranie sochinenij* [Collected Works] : in 5 vol. — Saint Petersburg : Simpozium, 1999. — Vol. 3. — 219 p. [in Russian]